

«На каком переулке пахнет пельменями в свежем бульоне? Да, иди по тому».

...

Пробежав несколько улочек и переулков, Цзян Шинин от таких указаний почувствовал зверский голод. Будучи диким духом, он и сам, чёрт возьми, не помнил, когда последний раз испытывал такое.

«Ты, неспособный запомнить дорогу, только по еде и ориентируешься?» — спросил он совершенно бесцветным голосом, с выражением полной безнадёги на лице.

Сюэ Сянь, обнимая золотую бусину, кивнул: «Верно. Иди больше, говори меньше — скоро рассвет. Пройди мимо закуской с тушёным мясом и харчевни "Байшунь" — и мы на месте!»

Цзян Шинин молча закатил глаза.

Хотя метод запоминания дороги у этого господина и был раздражающим, но пути он выбирал короткие. И правда, пройдя мимо харчевни «Байшунь», Цзян Шинин вдали, сквозь снежную дымку, увидел переправу. Флаги трепетали на ветру, а у берега, казалось, стояло несколько пассажирских лодок.

Цзян Шинин, засунув руки в рукава, чтобы прикрыть выглядывающего из-за пазухи бумажного человечка, втянул голову в плечи и, пробиваясь против ветра, направился в квартал к востоку от переправы.

«Господин, ты можешь сидеть смирно и не двигаться? Ветер сдует — я за тобой не побегу», — ворчал Цзян Шинин без особой любезности.

Сюэ Сянь ещё несколько раз повертел головой, глядя на соседние улицы, и цокнул языком: «Что-то мне всё кажется, будто сзади кто-то есть».

Цзян Шинин инстинктивно остановился и даже обернулся на месте, окинув взглядом округу. «Никаких подозрительных личностей не видно. Может, это снежинки сбоку мелькают, показалось?»

«Может быть», — пробормотал Сюэ Сянь, втянул шею и на время стал чуть помирнее.

Он подумал про себя: если бы кто-то действительно шёл следом, снег под ногами скрипел бы — не услышать невозможно. Наверное, и правка показалось...

Под руководством Сюэ Сяня Цзян Шинин быстро добрался до уединённого домика в глубине квартала. Назвать это «домом» было бы слишком громко. Со стороны стены двор казался совсем крошечным, словно курятник. Дверь была одностворчатой, старой и облупившейся, из-за сырости в углах даже выступила плесень, и никто с этим не боролся.

Сразу видно — хозяева не больно-то заботились о быте.

«Постучи», — сказал Сюэ Сянь.

Цзян Шинин, человек привычки и манер, постучал весьма изящно: «Тук-тук-тук» — трижды, тихо и неторопливо. У Сюэ Сяня от этого даже зубы заныли. «Твой стук — словно комар запищал. Если эти братья услышат — вот будет чудо. У одного из них ухо повреждено, так что стучи смело, не стесняйся».

Услышав это, Цзян Шинин, покорно вздохнув, усилил нажим, бормоча «простите-простите», и постучал несколько раз подряд.

Прошло немало времени, прежде чем со двора донеслись звуки шагов: «скрип-скрип».

Не знаю, потому ли, что по снегу идти неудобно, но звучали они как-то... неуверенно?

«А сколько лет этим братьям?» — не удержался Цзян Шинин.

«А, — ответил Сюэ Сянь. — Младшему лет восемь-девять, старшему — шестнадцать-семнадцать».

Цзян Шинин остолбенел: «Что? Ты ребёнка ищешь, чтобы вещь найти или погадать?»

В тот миг, пока он пребывал в ошеломлении, одностворчатая старая деревянная дверь с силой распахнулась изнутри.

«Воры! Катитесь!!»

Из-за двери донёлся детский, но яростный крик.

Вслед за тем раздался плеск. Большая чаша с водой неизвестного происхождения выплеснулась прямо на ничего не подозревавшего Цзян Шинина, окатив его с головы до ног!

Изначальная сущность Цзян Шинина — всё же бумажная оболочка. Облитый с ног до головы, он тут же вздрогнул, всё тело обмякло, и он бессильно рухнул на землю. Прижатый к его груди Сюэ Сянь тоже не избежал участи — мокрый, он шлёпнулся на землю и прилип к сырой поверхности. Золотая бусина из его объятий выкатилась и как раз подкатилась к самой двери.

Тот, кто был за дверью, с грохотом швырнул деревянную чашу, на мгновение замешкался, а затем резко протянул руку, схватил золотую бусину у порога и в панике бросился захлопывать дверь.

Как раз когда Сюэ Сянь, прилипший к земле, набирал в грудь воздуха, чтобы выложить всё, что он думает, с неба опустилась тёплая рука и отклеила его с земли.

От той руки исходил знакомый горьковато-травяной запах, от которого Сюэ Сянь чихнул. Он, мокрый, безвольно свесив голову, не мог даже выпрямиться, и не выдержал, взорвавшись: «Лысый монах! Я что, твоих предков потревожил или могилу твою раскопал, что ты за мной по пятам ходишь?! Восемьсот ли гнался — не устал ещё, а?!»

Холодный и спокойный голос раздался у Сюэ Сяня над головой: «Спасибо за заботу. Не устал».

«...» Сюэ Сяню кровью захотелось выплюнуть! Он тут же вознамерился воткнуть этого типа головой в реку!

Перед воротами этого курятника стоял не кто иной, как Сюань Минь.

Он держал мокрого Сюэ Сяня, подобрал облившегося и вернувшегося в первоначальный вид Цзян Шинина, зажал обоих между пальцев, а затем без лишних церемоний распахнул створку деревянной двери.

Широко шагнув во двор, он настиг пытающегося сбежать «воришку» и, опустив взгляд, спокойно сказал: «Чужого не бери. Верни золотую бусину».

Сюань Минь был высок, а этот воришка едва достигал ему до пояса, тощий, как обезьянка, лет восьми-девяти от силы. Схватенный за воротник, он принялся отчаянно дрыгать ногами и руками, но до Сюань Миня дотянуться никак не мог, лишь захлёбывался криком: «Караул! Грабёж! А-а-а-а! Отпусти!»

Воришка, орущий «держи вора» с таким бесстыдством, был для Сюэ Сяня первым в жизни.

Жаль, лысый монах был человеком необщительным, и мужчины, женщины, старики, дети в его глазах, казалось, мало чем отличались — совсем не как у обычных монахов. Сюань Минь по-прежнему сохранял бесстрастный вид, одной рукой держа воришку, а другой доставая из-за пазухи талисман и без лишних эмоций прилепляя его мальчишке на макушку: «Запрет на речь».

Воришка: «...»

Крики, набравшие было силу, резко оборвались. Мальчишка, не в силах вымолвить ни слова, чуть не задохнулся, всё лицо покраснело.

Сюэ Сянь мокрой лапкой молча потрогал свой собственный рот, по необъяснимой причине ощутив некое родство душ. В результате, поскольку он был вымочен и размок, лапка прилипла ко рту. Если бы он теперь резко дёрнулся, то либо лапку оторвёт, либо губу — весьма плачевная перспектива.

Сюань Минь как раз мельком взглянул и увидел, что этот грешник застыл в такой глупой позе, не двигаясь.

Сюэ Сянь с каменным лицом закрыл глаза: «...» Вся моя былая слава рухнула в одночасье. Кто-нибудь, дайте верёвку — повесим этого лысого монаха, и никто не узнает о моём позоре.

Сюань Минь, опустив взгляд на воришку, бесстрастно произнёс: «Протяни руки».

Жёлтый талисман на лбу мальчишки дрогнул, и тот, словно марионетка на нитках, вытянул перед собой обе руки, с выражением полного отчаяния на лице.

Когда Сюань Минь забрал из его рук золотую бусину, мальчишка, не то от стыда, не то от злости, покраснел с макушки до шеи, даже глаза налились кровью. Но выражение лица было упрямым, словно говорило «если посмеешь — убей», — выглядело очень вызывающе и просилось, чтобы его проучили.

Достигнув цели, Сюань Минь больше не удерживал его. Он поднял руку, снял с макушки мальчишки бумажный талисман, аккуратно сложил его и убрал.

Сюэ Сянь жадно уставился на золотую бусину в руке Сюань Миня, ожидая, когда же лысый монах передаст её ему.

Он никак не ожидал, что этот лысый монах поможет ему таким образом, и тут же вывернул на свет ту малость совести, что пряталась у него под брюхом. Ладно, думал он, когда получу бусину обратно, в ближайшие дни постараюсь вести себя прилично — исключительно чтобы сохранить лицо лысого монаха. Если совсем не вмоготу будет — подарю ему ещё одну чешую, у меня их ещё несколько припасено.

Однако Сюань Минь, подержав золотую бусину и разглядев её, внезапно слегка нахмурился.

В тот миг на его лице мелькнуло некое неопишное странное выражение — нечто среднее между задумчивостью и полной растерянностью.

Он внимательно посмотрел на бусину, затем провёл по ней большим пальцем, после чего, нахмурившись, слегка приблизил её к носу и понюхал.

Сюэ Сянь: «...»

Он закатил глаза, испытывая необъяснимое чувство неловкости.

Хорошо ещё, его тело пока не восстановилось, и с золотой бусиной ещё не установилась полная связь между формой и духом. Иначе... такие поглаживания и обнюхивания — Сюэ Сянь, наверное, уже давно не сдержался бы и вlepил бы ему лапой по лицу.

В душе у него вертелись восемьсот фраз, чтобы затравить лысого монаха насмерть, но рот был приклеен лапой, и раскрыть его никак не получалось. Пришлось, скрепя сердце, всё это снова проглотить — едва не подавился.

К счастью, этот приступ странности у лысого монаха длился недолго. Лишь понюхав, он снова принял свой обычный безразличный вид и поднял голову.

Немного подумав, он обратился к Сюэ Сяню: «Эту золотую бусину я пока сохраню у себя. Есть возражения?»

Есть! Не отдам! И не надейся!

Кричало в душе Сюэ Сяня, но рот по-прежнему не издавал ни звука.

<http://bllate.org/book/16289/1467873>